

Глава 1

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Из письма Проспера Мериме Ивану Тургеневу
от 9 декабря 1863 г.:

«Милостивый государь,

Как жаль, что вас нет в Пасси! Я очень огорчен, что мы не повидались перед Вашим отъездом. Надеюсь, Вы дадите о себе знать из Петербурга.

Мне не терпится знать, что получится из Вашего «призрака»¹. Вы беретесь за фантастику, и меня это огорчает, хотя я не сомневаюсь, что Вы справитесь с этим отлично, и все же заблуждениям нашего легковверного века потакать не следует. Настало время борьбы с суевериями и суеверами; если не помешать их распространению, они нас сожгут.

Ожье² только что возвратился из Рима; в течение своего полуторамесячного пребывания в Вечном городе он наблюдал два чуда. Можно составить огромную библиотеку из всего, что публикуется о спиритизме. На мой взгляд, не было времени печальнее нашего...

¹ Иван Тургенев работал в это время над своим рассказом «Призраки».

² Эмиль Ожье (1820—1889) — французский драматург.

Прощайте, милостивый государь, желаю Вам счастливого пути и скорейшего возвращения.

Преданный Вам

Проспер Мериме».

Глава 2

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Вилла Геката. Рим. 1 ноября 1863 г.

В сумерках белые павлины похожи на призраков, сотканных из сгустков тумана, опускающегося на Яникульский холм. Белые павлины — достопримечательность виллы Геката, как и невысокие пальмы, привезенные хозяевами виллы с заморских южных островов и беспорядочно высаженные среди лавровых и миртовых деревьев небольшого парка.

Однажды драматург Эмиль Ожье, услышавший крики белых павлинов, обмолвился, что так, наверное, кричат грешники в глубинах Дантова ада. Они тогда сидели в курительной втроем: Эмиль Ожье, князь Фабрицио Салина из Палермо по прозвищу Леопард и он — Йохан Кхевенхюллер — нынешний арендатор виллы Геката. Он еще тогда подумал: эти протяжные мяукающие крики совсем не подходят для той картины ада, что рисует себе порой он сам. Когда грешников — убийц, развратителей, клятвопреступников — бесы вздымают на раскаленных вилах и сдирают с них кожу, словно кожуру с перезрелого апельсина, те орут и визжат, а потом просто стонут, мычат, как животные, лишившись языков, вырванных адскими клещами.

А павлины — они просто кричат.

Вот и сейчас их крики доносятся из ночного парка, укутанного сырым туманом.

— Он бредит. Йохан, ты слышишь меня?

Йохан Кхевенхюллер повернулся от окна к жене.

— Что, Либби?

— Он бредит. *Mein Vater, mein Vater, und hörest du nicht? Was Erlkönig mir leise verspricht?* «Родимый, лесной царь со мной говорит, он золото, перлы и радость сулит». Он постоянно шепчет, читает в бреду «Лесного царя». Врач дал ему еще горькой настойки. Говорит, что опасности нет, к утру жар спадет.

— Не знал, что он любит Гете, — сказал Йохан Кхевенхюллер.

— Что нам делать, Йохан?

— Иди к гостям, Либби.

Но она не сдвинулась с места.

— Прибыл нарочный с бумагами от поверенного в делах. Я прочла сопроводительную записку — поверенный и его стряпчие придут в Рим из Вены на следующей неделе. Они собираются ознакомить Готлиба со всеми документами и дать ему на подпись акт о вступлении во владение замком непосредственно в день его рождения. В день его совершеннолетия. Йохан, да ты слышишь меня?

Он смотрел на жену.

— Они введут его в наследство согласно завещанию и положат конец твоему опекунству по формальным основаниям. Титул и так принадлежит ему по рождению — он князь Кхевенхюллер. Ему достанется все. А что будет с нами? Мы станем приживалами в замке Ландскрон?

— Когда-то это все равно должно было случиться. День его совершеннолетия. Готлиб вырос.

— А что будет с Францем? Что будет с нашим сыном? — спросила Либби. — Ладно мы. Я приму любую судьбу. Но какая участь теперь уготована Францу? Он станет приживалом в замке Ландскрон, как ты когда-то при отце Готлиба?

Францу — сыну Йохана и Либби — исполнилось девять месяцев. Когда Йохан смотрел на сына, сердце его заливала волна горячей, всепоглощающей любви. По утрам кормилица выносила Франца в парк виллы Геката. И малыш в кружевном чепчике и платьице из батиста, в свежих пеленках смотрел на пальмы и на белых павлинов, гордо вышагивавших в траве среди клумб и зарослей мирта. Тянул пухлые ручки к фонтану, вокруг которого водили хоровод маленькие проказливые фавны, изваянные из мрамора двести лет назад. И что-то с упоением лепетал на собственном детском языке, а потом утыкался Йохану Кхевенхюллеру в плечо или в шею, когда тот брал его на руки, и моментально засыпал. А через пару минут просыпался и смотрел на отца своими голубыми глазками, так похожими на глаза Либби.

Сердце Йохана в такие минуты таяло. Он держал сына на руках и готов был ради него на все.

Ребенок был долгожданный. После свадьбы они с Либби семь лет пытались завести детей, и все неудачно. А потом родился Франц. И жизнь супругов Кхевенхюллер разом изменилась.

В прежней своей жизни, до рождения сына, Йохан Кхевенхюллер считал себя добросовестным и честным опекуном своего кузена Готлиба и фактическим владельцем замка Ландскрон с его огромным поместьем, пастбищами, виноградниками и мукомольной фабрикой, расположенными в Каринтии.

Готлиб потерял отца в одиннадцать лет. И по завещанию его опекуном назначался именно Йохан — единственный близкий родственник князя Кхевенхюллера по мужской линии. Йохан был представителем младшей ветви рода Кхевенхюллеров, и в случае смерти Готлиба до совершеннолетия замок и титул перешли бы к нему. Потому что старшая ветвь рода со смертью Готлиба угасла бы.

Пока Йохан и Либби — Элизабет Кхевенхюллер — в течение семи лет не имели детей, все это представлялось формальностью, азбучной истиной. Готлиб учился в дорогих пансионах Вены и приезжал в замок Ландскрон лишь на Рождество и летом. Потом он поступил в университет, но проучился недолго. В последние два года с ним произошли разительные перемены. Он стал требовать больше денег на свое содержание, отправился в Париж, где вел весьма разгульную жизнь, посещал балы и маскарады, пропадал неделями на Монмартре у художников, якшался с парижскими проститутками. Затем внезапно сорвался в Италию — в Геную и Венецию. И там, в Венеции, стал героем ряда скандалов и едва не был вызван на дуэль ревнивым мужем. Уехал в Рим и в середине лета подхватил жестокую лихорадку. Врачи называли ее малярией.

В конце августа здоровье Готлиба настолько ухудшилось, что Йохан и Либби, вызванные тревожными письмами слуг, вынуждены были бросить все дела в замке и вместе с маленьким сыном отправиться в Италию, в Рим, где, по слухам, умирал их воспитанник.

Но тогда, в конце августа, Готлиб от малярии не умер.

Неизвестно, на что надеялась Либби... Йохан никогда не спрашивал об этом жену. Но Готлиб не умер. Лихорадка вроде как отступила благодаря усилиям врачей. Они настоятельно советовали Йохану Кхевенхюллеру остаться вместе с семьей и Готлибом на зиму в Риме и не рисковать здоровьем кузена в австрийской зиме, полной снега, сырости и альпийских ветров.

Йохан согласился. Вынужден был согласиться. Они наняли виллу Геката на Яникульском холме. Готлиб быстро шел на поправку — молодость брала

свое. Йохану он был благодарен за заботу, говорил, что они с тетушкой Либби спасли ему жизнь. Йохан старался быть ровным и благожелательным с кузенком. обстоятельно отвечал на все его вопросы, связанные с замком Ландскрон, и чувствовал, что вопросы юного Готлиба становятся все настойчивее. Когда речь заходит о скором совершеннолетии и вступлении во владение замком, в глубине его светлых глаз вспыхивает огонек.

Парень прекрасно сознавал, какие возможности сулят ему такие перспективы. Он много говорил о Париже и спрашивал, какой максимальный доход может дать поместье, — все это явно с оглядкой на чрезвычайно дорогую и роскошную парижскую жизнь.

Йохан порой наблюдал с террасы, как его молодой кузен в знойный римский полдень лежит на траве в парке в тени платана и читает. А потом приказывает кучеру оседлать лошадь и отправляется на конную прогулку в огромный соседний парк виллы Дория. Или требует коляску и едет в город — куда-то в Трастевере, а когда возвращается, от него за версту несет дешевым вином римских таверн и чужим потом. Женским потом римских шлюх, падких на юных прожигателей жизни с княжеским титулом и длинной родословной.

О том, как сложится их общая жизнь после совершеннолетия Готлиба, они с Йоханом не говорили. Йохан не мог в свои сорок лет первым начать такой разговор с этим нескладным парнем, своим кузенком, которого не так близко и хорошо знал.

Эти вопросы постоянно задавала Либби. Но не Готлибу, а ему, своему мужу.

Вот как сейчас: что станет с нами? Мы превратимся в нашем замке в приживалов? И наш сын, обожаемый Франц, тоже? Что светит ему в этой жизни, а?

Либби-Элизабет происходила из семьи венского купца. Когда Йохан женился на ней, она получила в приданое сахароварочную фабрику с паровыми машинами, производившую сахар, нугу и прочие сладости для венских кондитерских. И сначала все шло хорошо. Но затем ее отец обанкротился и тайком заложил приданое дочери у кредиторов. Много денег потребовал судебный процесс. На все эти неприятности Йохан тратил деньги, которые брал из доходов замка Ландскрон, подделывая счета и оставляя в учетных бухгалтерских книгах фальшивые записи. Он брал каждый раз не крупные суммы, чтобы заткнуть дыры. И не боялся проверок счетов со стороны поверенных в делах, обеспечивавших завещание, по которому его кузен по достижении совершеннолетия получал замок и поместье. Но вся эта возня поставила крест на любых его попытках нажить собственное состояние и стать вместе с женой Либби независимыми финансово.

И Либби это знала. Потому ее слова о приживалах звучали так зло и горько.

Чего она добивалась?

Йохан Кхевенхюллер не хотел об этом думать.

Боялся об этом думать.

Боялся заглядывать глубоко в светлые глаза Либби, страшась прочесть в них то, о чем порой думал сам.

Если Готлиб умрет от лихорадки...

Но он не умер.

Через неделю он станет совершеннолетним и хозяином замка.

Новый князь Кхевенхюллер.

Молодой князь Кхевенхюллер.

— Ступай к гостям, Либби, — снова повторил свою просьбу Йохан. — Негоже оставлять наших гостей надолго одних.

Либби глянула на него искоса и молча отвернулась. Платье-кринолин из лилового лионского шелка зашуршало. Либби изящно левой рукой подняла кринолин, так что стала чуть видна нижняя шелковая юбка, вся в оборках, надетая на обручи. И бесшумно покинула кабинет мужа.

Йохан вышел на открытую террасу. Вилла Геката имела две открытые террасы на втором этаже. Одна смотрела в парк, заросший, тенистый, огороженный старой кирпичной стеной, увитой плющом. А терраса с противоположной стороны дома открывала потрясающий вид на Рим. Вилла стояла на склоне Яникульского холма. И днем при любой погоде панорама Рима сражала своим великолепием наповал. Отсюда было особенно заметно, что Вечный город и впрямь вечен и стар как мир. Как само время. Желтый, коричневый, терракотовый — цвета Рима никогда не смешивались воедино, но вместе с тем существовали неотделимо друг от друга и от неба, что словно купол, словно воздушная гавань открывала свои бесконечные дали.

Но сейчас на виллу Геката опустился вечер. И Рим там, вдали, с террасы Яникульского холма казался скопищем сияющих огоньков. Тысяч огней, мерцающих, как светляки.

Сюда, на Яникульский холм, где римская знать издавна строила виллы, не долетали шум, гам, вонь Вечного города — крики торговцев, скрип телег, звуки мандолин, песни, пьяные вопли, гул многочисленных базаров, куда привозили товары со всего света.

На вилле Геката царила тишина. И нарушали ее лишь крики белых павлинов. И пламя старых, изъеденных коростой мраморных светильников в парке отбрасывало багровые блики на подъездную алею, фонтан с маленькими фавнами и на оконные стекла.

Йохан стоял на террасе, глядя на Вечный город, голова его была пуста.

Мысли стучались словно в наглухо запертую дверь, но он гнал их, предпочитая эту ничем не заполненную тупую пустоту.

Перед тем как вернуться к гостям, занятым оживленной беседой в ожидании ужина, он зашел в спальню Готлиба.

Там все еще находились врач и помогавшая ему служанка Франческа. Впрочем, врач уже собирал свой саквояж, наказывая служанке через каждые полчаса менять юноше холодные компрессы на лбу и в течение ночи еще трижды давать ему горькую настойку от лихорадки.

— Приступы у него будут повторяться, — сказал врач Йохану. — С этим теперь ничего поделать нельзя. Ему придется с этим жить. Но опасности в настоящий момент нет. Надеюсь, что к утру жар спадет.

Йохан смотрел на кузена. Тот лежал среди сбитых, влажных от пота простыней и подушек, на огромной кровати под балдахинном из тосканской парчи. Парча местами вытерлась и выцвела от солнца. Светлые кудри Готлиба потемнели от пота, виски ввалились, под глазами залегли коричневые тени. Он лежал с закрытыми глазами, его губы обметало от жара. И он все шептал, шептал, шептал:

— *Ich lieb dich, mich reizt deine schöne Gestalt...*

Дитя, я пленился твоей красотой, неволей иль волей, но будешь ты мой...

...Лесной царь нас хочет догнать,

Уж вот он, мне трудно, мне тяжело дышать...

— Бред, ваш воспитанник бредит, — сказал врач. — Лекарство поможет, пока нет оснований для волнений.

И покинул спальню, подхватив свой саквояж и пообещав вернуться утром — проведать больного.

Служанка Франческа налила из кувшина в таз холодной воды и начала готовить новый компресс, чтобы сменить его на лбу юноши.

Йохан с минуту еще созерцал кузена, метавшегося в бреду на огромной дубовой кровати виллы Геката, а затем, строго наказав служанке не покидать больного, пошел к гостям.

Этот новый приступ лихорадки, обрушившийся на Готлиба два дня назад...

Они с женой Либби такого развития событий не ожидали. Честно говоря, и не надеялись даже. Потому что Готлиб казался совсем выздоровевшим.

Но врач утверждал, что опасности нет. Готлиб и на этот раз не умрет. Лихорадка потрясет его несколько дней, а потом отступит. Быть может, навсегда. Быть может, это просто рецидив. И кузен вскоре вовсе забудет о том, что когда-то болел, потому что молодость забывчива. И эгоистична.

Йохан Кхевенхюллер миновал длинный коридор и очутился на парадной половине виллы Геката. Тут располагались залы для приема гостей: салон, гостиная, столовая и будуар. Гости сидели на диванах в гостиной.

Звуки рояля...

Мадам де Жюн наигрывала новый вальс Верди. Она привезла ноты из Милана. Йохан Кхевенхюллер нацепил как маску радушное приветливое выражение и открыл двери гостиной.

— А вот и я, дорогие мои друзья, — произнес он самым оживленным тоном, на какой только был сейчас способен.

Взоры гостей обратились к нему.

— Как чувствует себя ваш кузен? — спросила скрипучим голосом мадам де Жюн, прерывая игру на рояле.

— Врач сказал, что опасности нет, — бодро от-

ветил Йохан. — Я сейчас распоряжусь, чтобы сюда подали еще лимонада и чая.

Перед тем как выйти из гостиной, он оглядел гостей. Начало ноября в Риме — еще не сезон. Только в декабре праздные туристы со всех концов Европы, из России, из Британии стекаются в Вечный город, чтобы провести в солнечной Италии зиму. Кто-то едет лечить чахотку, кто-то спасается от сердечной смуты и любовных драм, кто-то бежит от долгов и кредиторов, кто-то просто надеется развеять скуку среди античных развалин и полотен эпохи Возрождения.

Общество на вилле Геката в этот вечер — весьма тесный круг: литератор из Парижа Эмиль Ожье, с которым Йохан познакомился у графини Кастельмарко, князь Фабрицио Салина из Палермо — благородной внешности, с прямой спиной и седыми бакенбардами, три его сицилийские кузины — одна вдова и две старые девы, и мадам де Жюн — путешественница и меценатка, тайно влюбленная в Эмиля Ожье, дама «эмансипе».

Дамы, шелестящие необъятными кринолинами, расположились на диванах и козетках. Йохан взглянул на жену Либби — она моложе всех, но выглядит усталой. И в глазах у нее что-то, что она тщательно пытается скрыть, стараясь разговаривать непринужденно. Три сицилийские кузины князя Салины — все в черном. Платья из черного атласа. Вдова носит кружевную мантилью, а ее сестры — массивные золотые броши с эмалью, приколотые на лиф. Во время прогулок сицилийки даже в пасмурную погоду не расстаются с кружевными зонтиками от солнца. Но все равно кожа на их лицах — тонкая, сухая, похожая на желтый пергамент. У мадам де Жюн кринолин особенно необъятных размеров, по последней моде, введенной императрицей Евгенией: юбка и лиф цвета темного меда, узор из переплетенных лент и рукава в